

Крепость въ Старой Ладогѣ (кън. аним. Н. К. Рериха).
Forteresse à Staraja Ladoga (dess. tiré de l'album de N. C. Roehrich).

ПО ПУТИ ИЗЪ ВАРЯГЪ ВЪ ГРЕКИ,
ЗАМѢТКИ Н. К. РЕРИХА.

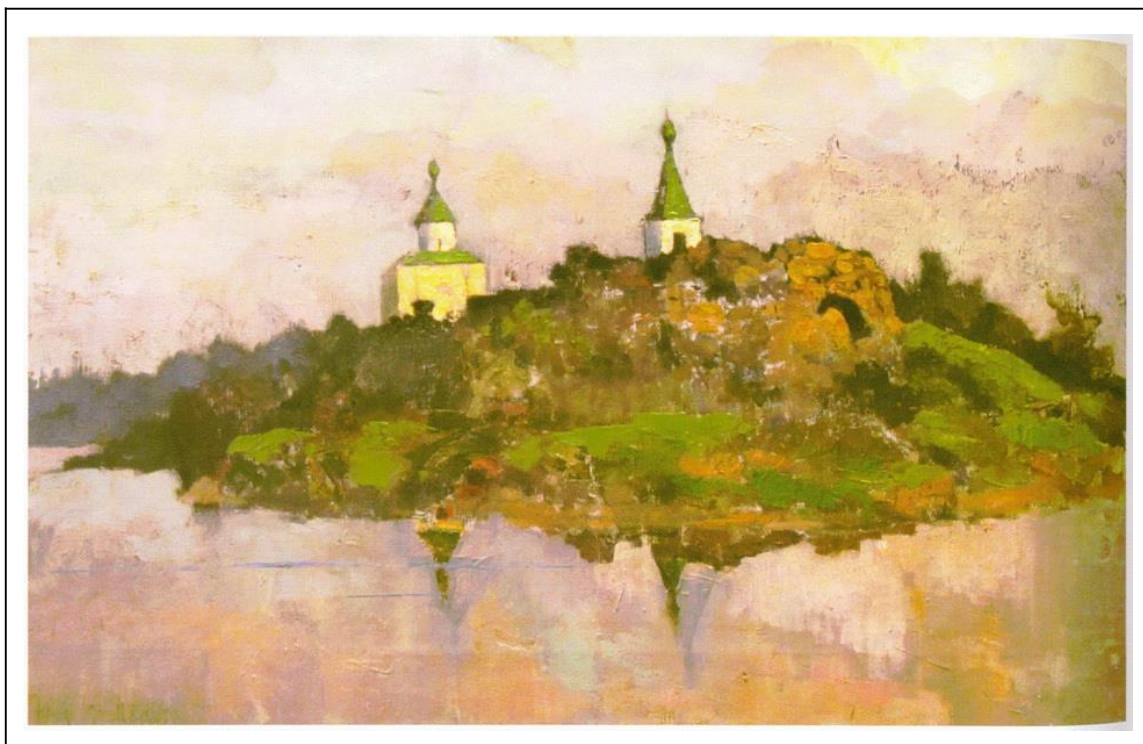

ЛѢВУТЪ полунощнѣе гости. Свѣтлой полосой тянется пологій берегъ Финскаго залива. Вода точно напиталася синевой яснаго, весенняго неба; вѣтеръ рябитъ по ней, сгоняя матово-лиловатѣе полосы и крути. Стайка чаекъ спустилася на волны, безвечно на нихъ качалася и лишь подъ самѣмъ килемъ передней лагви сверкнула крѣпкими—вспокоило ихъ мирную жизнь что-то, мало знакомое, невиданное. Новая струя пробивается по стоячей водѣ, бѣжитъ она въ вѣковую славянскую жизнь, пройдетъ черезъ лѣса и болота, перекатится широкимъ полемъ, подыметъ рогъ славянскіе—увидятъ они рѣдкихъ, незнаемыхъ гостей, подивуются они на ихъ строй боевой, на ихъ заморскій обичай.

Длиннымъ рядомъ идутъ лагви; яркая раскраска горитъ на солнцѣ. Лихо завернулися носовые борты, завершившия высокими, стройными носомъ-дракономъ. Полосы красныя, зеленныя, желтныя и синія навесены вдоль лагви. У дракона пасть красная, горло синее, а грива и перья зеленныя. На килевомъ бревнѣ пустого мѣста не видно—все рѣзное: крестики, точки, кружки, переплетяся, даютъ самѣй сложнѣй узоръ. Другія части лагви тоже рѣзбой изукрашены; съ любовью отгѣланы всѣ мелочи, изумляешся имъ теперь въ музеяхъ и, тщетно стараясь оторваться отъ теперешней практической

Impressions de voyage sur les bords du Volkhoff. Notes de N. C. Roehrich.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/533, 6 л. Заметки Н.К. Рериха «По пути из варяг в греки». (Оттиск статьи в журнале Искусство и художественная промышленность. 1899. Июнь-июль. № 9-10. С. 719-730).

Н.К. Рерих. Старая Ладога. 1899.

ПО ПУТИ ИЗ ВАРЯГ В ГРЕКИ

Заметки Н. К. Рериха

Плывут полунощные гости. Светлой полосой тянется пологий берег Финского залива. Вода точно напиталась синевой ясного, весеннего неба; ветер рябит по ней, сгоняя матово-лиловатые полосы и круги. Стайка чаек спустилась на волны, беспечно на них закачалась и лишь под самым килем передней ладьи сверкнула крыльями - всполошило их мирную жизнь что-то, малознакомое, невиданное. Новая струя пробивается по стоячей воде, бежит она в вековую славянскую жизнь, пройдёт через леса и болота, перекатится широким полем, подымет роды славянские - увидят они редких, незнаемых гостей, подивуются они на их строй боевой, на их заморский обычай.

Длинным рядом идут ладьи; яркая раскраска горит на солнце. Лихо завернулись носовые борта, завершившись высоким, стройным носом-драконом. Полосы красные, зелёные, жёлтые и синие наведены вдоль ладьи. У дракона пасть красная, горло синее, а грива и перья зелёные. На килевом бревне пустого места не видно - всё резное: крестики, точки, кружки, переплетясь, дают самый сложный узор. Другие части ладьи тоже резьбой изукрашены; с любовью отделаны все мелочи, изумляешься им теперь в музеях и,

тщетно стараясь оторваться от теперешней практической жизни, робко пробуешь воспроизвести их - в большинстве случаев совершенно неудачно, потому что, полные кичливого, холодного изучения, мы не даём себе труда постичь дух современной этим предметам искусства эпохи, полюбить её - славную, полную дикого простора и воли.

Около носа и кормы на ладье щиты привешены, горят под солнцем.

Паруса своей пестротой наводят страх на врагов; на верхней белой кайме нашиты красные круги и разводы; сам парус редко одноцветен - чаще он полосатый: полосы на нём или вдоль, или поперёк, как придётся. Середина ладьи покрыта тоже полосатым налётом, накинута он на мачты, которые держатся перекрёщёнными брусками, изрезанными красивым узором, - дождь ли, жара ли, гребцам свободно сидеть под налётом.

На мореходной ладье народу довольно - человек 70; по борту сидит до 30 гребцов. У рулевого весла стоят: кто посадовитей, поважней, сам конунг там стоит. Конунга можно сразу отличить от других: и турьи рога на шлеме у него повыше, и бронзовый кабанчик, прикреплённый к гребню на макушке, отделкой получше. Кольчуга конунга видала виды, заржавела она от дождей и от солёной воды, блестят на ней только золотая пряжка-фибула под воротом, да толстый браслет на руке. Ручка у топора тоже богаче, чем у прочих дружинников, — морёный дуб обвит серебряной пластинкой; на боку большой загнутый рог для питья. Ветер играет красным с проседью усом, кустистые брови насупились над загорелым, бронзовым носом; поперёк щеки прошёл давний шрам.

Стихнет ветер — дружно подымутся весла; как одномерно бьют они по воде, несут ладьи по Неве, по Волхову, Ильменю, Ловати, Днепру - в самый Царьград; идут варяги на торг или на службу.

* * *

Нева величава и могуча, но исторического настроения в ней куда меньше по сравнению с Волховом. На Неве берега позастроились почти непрерывными, неуклюжими деревушками, затянулись теперь кирпичными и лесопильными заводами, так что слишком трудно перенестись в далёкую старину. Немыслимо, напр., представить расписные ладьи варяжские, звон мечей, блеск щитов, когда перед вами на берегу торчит какая-нибудь самодовольная дачка, ну точь-в-точь - пошленькая слобожанка, восхищённая своею красотой; когда на солнышке сияют бессмысленные разноцветные шары, исполняющие немаловажное назначение - украсить природу; рдеют охряные фронтоны с какими-то неправдоподобными столбиками и карнизами, претендующими на изящество и стиль, а между тем любой серый сруб - много художественнее их.

За всю дорогу от Петербурга до Шлиссельбурга выдаётся лишь одно характерное место — старинное потёмкинское имение Островки. Мысок, заросший понурыми, серьёзными пихтами, очень хорош; замкоподобная усадьба вполне гармонирует с окружающим пейзажем. Уже ближе к Шлиссельбургу Нева на короткое время как бы выходит из своего цивилизованного состояния и развёртывается в привольную северную реку, - серую, спокойную, в широком размахе, обрамлённую тёмной полосой леса. Впрочем, это мимолётное настроение сейчас же разбивается с приближением к Шлиссельбургу. Какой это печальный город! Какая заскорузлая провинция, — даже названия улиц и те ещё не прививаются среди обывателей.

Левее города, за крепостью, бурой полосой потянулось Ладожское озеро. На рейде заснуло несколько судов. Всё как-то неприветливо и холодно, так что

с удовольствием перебираешься на громоздкую машину, что повезёт по каналу до новой Ладоги. Накренённая набок, плоскодонная, какой-то овальной формы, с укороченной трубой, она производит впечатление скорей самовара, чем пассажирского парохода, но все её странные особенности имеют своё назначение. Главное украшение парохода – труба срезана, потому что через пароход часто приходится перекидывать бичевы барж, идущих по каналу на четырёх лохматых лошадёнках; глубина канала заставляет отказаться от килля и винта; тенденция к одному боку является вследствие расположения угольных ящиков, а почему их нельзя было распределить равномернее – этого мне не могла объяснить пароходная прислуга.

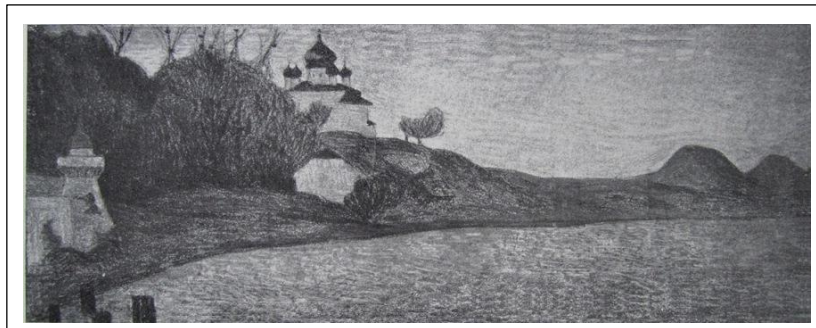
Затрясся, задрожал пароход, казалось, ещё больше накренился набок, и мы тронулись по каналу, параллельно Ладожскому озеру, с быстротою 6 вёрст в час. Случайный собеседник, знакомый с местными порядками, успокаивает, — что, вероятно, придём вовремя, если только не сцепимся со встречною баркою или не сядем на мель, — и то и другое бывает нередко.

Через вал канала то и дело выглядывает горизонт Ладожского озера. Среди местных поверий об озере ясно сказывается влияние старины: озеро карает за преступления. Подобные рассказы сводятся к следующему типу. Позарился мужичок на чужие деньги, убил своего спутника во время пути в Ладогу по льду и столкнул труп на лёд. Сам поехал дальше и заснул. Просыпается — уже ночь; поднялся ветер, снег дочиста сдуло со льда; понесло мужика вместе с лошадьёю прочь с дороги неведомо куда. Увидал мужик, что дело плохо, потому что при сильном ветре Бог весть как далеко занести может и, чего доброго, в полыньёю попадётся; отпряг он лошадьёю, вывернул оглобли, заострил концы и пошёл по знакомым приметам: пускай и лошадьёю, и санки, и всё пропадает, лишь бы самому от смерти уйти. Крепчает ветер, слепит вьюгой глаза, затупились колья, не цепляются они больше за лёд, и мужика понесло по ветру. Среди снежного моря зачернелось что-то, ближе и ближе – прямо на чернizinу летит мужик. Смотрит, перед ним убитый товарищ: хочет свернуть в сторону – не слушаются ноги, зацепают за труп, подламывается лёд, и убийца вместе с убитым тонут в озере. Интересный осколок новгородских былин! Последняя картинка этого эпизода, когда роковым образом встречаются убийца с своею жертвою, – очень художественна.

По правую сторону парохода низкая болотная местность, среди неё где-то, по словам местного пассажира, притаилась богатая раскольничья деревня, пробраться в которую можно лишь в удобное зимнее время. Небось, в таком уголке сохранилось немало интересного: и песни, и поверья, и окруты старинные – делается обидно, почему теперь не зима. Мимо тянутся баржи, носы часто разукрашены хитрыми резными коньками, невольно напрашивающимися на параллель с Байонским ковром. С одной грузной беляной стряслась беда – затонула, широко расплылись массы дров. На берегу примостился её экипаж, выстроили шалашик, развели огонь, варят рыбку, мирно и спокойно, словно и зимовать здесь собрались.

Серый, однообразный пейзаж тянется вплоть до самой Новой Ладоги. Сравнительно поздно возникшая, она, конечно, не может дать ни художественного, ни исторического материала; за ней впереди чуеться что-то более значительное: в 12 верстах от неё историческое гнездо – Старая Ладога. Скучно дожидаться волховского парохода, – торопясь, на почтовых скачешь туда по прекрасной шоссированной дороге. Слева местами выглядывает Волхов –

берега песчаные, заросли сосной и вереском. Потом дорога возьмёт правее и пойдёт почти вплоть до самой Старой Ладogi по обычному пологому пейзажу, с лесом на горизонте. Из-за бугра выглянули три кургана — волховские сопки. Большая из них уже раскопана, но со стороны она всё же кажется очень высокой. Взираемся на бугор — и перед нами один из лучших русских пейзажей.

Н.К. Рерих. Волхов. 1899.

Широко развернулся серо-бурый Волхов с водоворотами и светлыми хвостами течения посередине; по высоким берегам сторожами стали курганы, и стали не как-нибудь зря, а стройным рядом, один красивее другого. Из-за кургана, наполовину скрытая пахотным чёрным бугром, торчит белая Ивановская церковь с пятью зелёными главами. Подле самой воды - типичная монастырская ограда с белыми башенками по углам. Далее в беспорядке - серые и желтоватые остовы посады, вперемежку с белыми силуэтами церквей. Далеко блеснула какая-то главка, опять подобие ограды, что-то белеет, а за всем этим густозелёный бор - всё больше хвоя; через силуэты елей и сосен опять выглядывают вершины курганов. Везде что-то было, каждое место полно минувшего. Вот оно, историческое настроение!

* * *

Когда вас охватывает настроение, словно при встрече с почтенным старцем, невольно замедляете походку, голос становится тише и, вместе с чувством уважения, вас наполняет какой-то удивительный покой, будто смотрите куда-то далеко, без первого плана.

Поэзия старины, кажется, самая задушевная. Ей основательно противопоставляют поэзию будущего; но почти беспочвенная будущность, несмотря на свою необъятность, вряд ли может так же сильно настроить кого-нибудь, как поэзия минувшего. Старина, притом старина своя, ближе всего человеку... Именно чувство родной старины наполняет вас при взгляде на Старую Ладogu. Что-то не припоминается в живописи ладожских мотивов, а между тем сколько прекрасного и типичного можно вывезти из этого забытого уголка - осколка старины, случайно сохранившегося среди окрестного мусора, и как легко и удобно это сделать. (Совершить такую поездку, как видно из приведённых подробностей пути, чрезвычайно просто.)

Мне приходилось встречать художников, пеняющих на судьбу, не посылающую им мотивов.

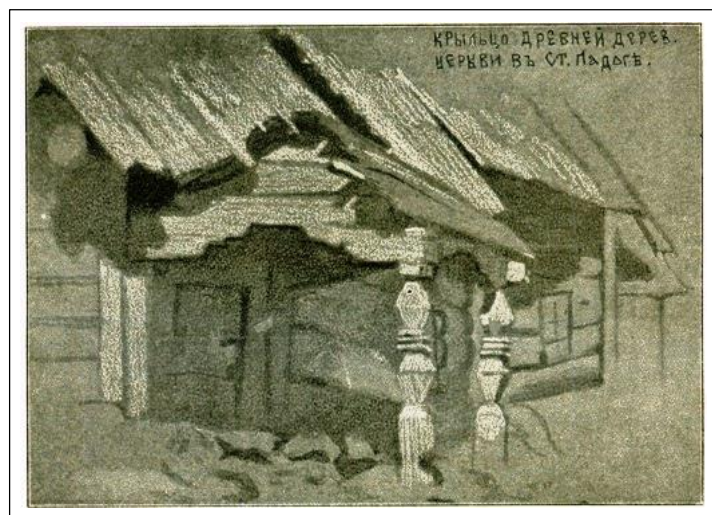
«Всё переписано, - богохульствуют они, - справа ли, слева ли поставлю берёзку или речку, всё выходит старо. Вам, историческим живописцам, хоро-

шо, - у вас угол непочатый, а нам-то какво, современным, и особенно пейзажистам».

Вот бедные! Они не замечают, что кругом всё ново, бесконечно, только сами-то они, вопреки природе, норовят быть старыми и хотят видеть во всём новом старый шаблон и тем приучают к нему массу публики, извращая непосредственный вкус её. Точно можно сразу перебрать неисчислимые настроения, разлитые в природе, точно субъективность людей ограничена? Говорят, будто нечего писать, а превосходные мотивы, доступные даже для копииста и протоколиста, остаются втуне, лежат под самым боком нетронутыми.

Да что говорить о скудных художниках, которым не найти мотива!.. я почти уверен, что даже поэту пейзажа будет превосходная тема, если он в тихий вечер, когда по всему небу разбежались узорчатые, причудливые тучи, постоит на плоту, недалеко от Успенского монастыря в Ст. Ладоге, и поглядит на крепостную церковь, посад, на далёкий Никольский монастырь - всё это, облитое последним лучом, спокойно отразившееся в засыпающем Волхове. Стоит только обернуться – и перед вами другой мотив, не менее прекрасный. Старый сад Успенского монастыря, стена и угловые башенки прямо уходят в воду, потому что Волхов в разливе. Сквозь уродливые, переплетшиеся ветки сохнувших высоких деревьев, с чёрными шапками грачѳвых гнѳзд по вершинам, чувствуется холодноватый силуѳт церкви Новгородского типа. За нею ровный пахотный берег и далѳкие сопки, фон - огневая вечерняя заря, тушующая первый план и неясными тѳмными пятнами выдвигающая бесконечный ряд чѳрных фигур, что медленно направляются из монастырских ворот к реке, - то послушницы идут за водою.

Ладожские церкви, такие типичные по внешнему виду, как и большинство церквей Новгородской области, внутри представляют мало интересного. Живопись нова и неудачна, древней утвари не сохранилось. Исключение представляет церковь в крепости - в ней уцелела древнейшая фресковая живопись.

Крыльцо древней дер. церкви в Ст. Ладоге (рис. Н.К. Рериха).

Подле каменной церкви приютилась тоже старинная, крохотная, серая, деревянная церковочка - тип церкви какого-нибудь далѳкого скита. Вся она перекосилась, главка упала, и крест прямо воткнут в уцелевший барабан её. Интересное крылечко провалилось, дверка вросла в землю. Церковка обречена на падение.

Подле крепости указывают ещё на два церковных фундамента, открытых г. Бранденбургом, исследовавшим местные древности.

Пишем этюды. Как обыкновенно бывает, лучшие места оказываются застроенными и загороженными. Перед хорошим видом на крепостную стену торчит какой-то несуразный сарай; лучший ракурс Ивановской церкви портится избой сторожа. Вечная история! Теперь хотя сами-то памятники начинают охраняться - на постройки или на починку дорог остерегаются их вывозить, и то, конечно, только в силу приказанья, а настанет ли время, когда и у нас выдвинется на сцену неприкосновенность целых исторических пейзажей, когда прилепить отвратительный современный дом вплотную к историческому памятнику станет невозможным, не только в силу стропильных и других практических соображений, но и во имя красоты и национального чувства. Когда-то кто-нибудь поедет по Руси с этою, никому не нужною, смешною целью? - думается, такое время всё-таки да будет.

На прощанье взбираемся к вершине кургана и фантазируем сцену тризны. Невдалеке от реки возвышается какой-то «холм», поросший вереском.

- «А ведь там, смотри, на бугре когда-нибудь жило, стояло, может быть, городок был», — указывает на холм мой товарищ и затягивает: «Купался бобёр».

Видно, и на него повеяло древним язычеством.

* * *

От Старой Ладogi до Дубовика характер берегов и течение реки не изменяются. Берега высокие, на самом откосе торчат курганы. Много портят пейзаж прибрежные плитоломни. Что-то выйдет из Волховских берегов, если подобная работа и впредь будет производиться так же ревностно? За поворотом исчезли последние признаки Старой Ладogi, и мы радуемся этому, потому что увозим от неё самые приятные воспоминания, пропустив мимо всю её неприглядную обыденную жизнь, сосредоточившуюся, как заметно уже на второй день пребывания, лишь на прибытии парохода с низа или с верха.

Пароход дальше Дубовика нейдёт, - тут начинаются пороги, так что до Гостинопольской пароходной пристани (расстояние около 10 верст) надо проехать в дилижансе. Дилижанс этот представляет из себя не что иное, как остов большого ящика, поставленный ребром, с выбитыми дном и крышкой. Мы сели лицом к реке. Лошади рванули и проскакали почти без передышки до пристани. Дорога шла подле самой береговой кручи; несколько раз колесо оказывалось на расстоянии не более четверти от обрыва, так что невольно мы начинали соображать, что если на какой-нибудь промоине нас выкинет из дилижанса, упадём ли мы сразу в Волхов или несколько времени продержимся за кусты. А Волхов внизу кипел и шипел. Мы скакали мимо самых злых порогов. Несмотря на разлив, давно незапамятный, из воды всё же торчали кое-где камни; подле них белела пена, длинным хвостом скатываясь вниз. Сила течения в порогах громадна: в половодье гружённая баржа проходит несколько десятков вёрст в час. Целая толпа мужиков и баб правит ею; рулевого нередко снимают от руля в обмороке - таково сильно нервное и физическое напряжение.

Баржу гонят с гиком и песнями; личность потонула в общем подъёме. Вода бурлит, скрипят борты... Какая богатая картина! Название «Гостинополь» за-

ставляет задуматься - в нём слышится что-то нетеперешнее. Наверное, здесь был волок, ибо против течения пройти в Волховских порогах и думать нечего. В Гостинополе же ладьи снова спускались и шли к Днепровскому бассейну. Может быть, до Дубовика шли в старину на мореходных ладьях (слово «дубовик» напрашивается на производство от «дуб-лодка»), а в Гостинополе сохранились лодки меньшего размера - резные. Впрочем, становиться на точку таких предположений - опасно.

В Гостинополе нагрузились на пароход, что повезёт нас до Волховской станции Николаевской дороги, - там опять пересадка. На палубе парохода целое стадо телят, лежат они связанные, жалобно мыча, - иных пассажиров не видно, но удивляться этому нечего, ибо поездки по Руси, ведь, совсем не приняты, да к тому же нельзя сказать, чтобы и сообщение было хорошо приспособлено; так мы приехали в Гостинополь в 8-м часу вечера, а пароход отходил в 3 ½ часа утра. Почему не в 5 или не в 4 - неизвестно. Впрочем, отхода его мы не дождались, ибо к тому времени уже спали крепким сном. Проснувшись заутро, товарищ выглянул в окошко:

- Ну, что там? Красиво?

- Тундра какая-то! Болото и топь.

Часа через два я выглянул — опять низкое место, которое потянулось вплоть до станции Волхов. Знаменитое Аракчеевское Грузино - нечто очень печальное, суровое, опустившееся, ничего общего не имеющее с тою великолепной декорацией, какую нам представляют его современные гравюры. На Волховской станции нас усердно <уговаривали> продолжать путь по железной дороге и, наконец, посмотрели с сожалением, как на людей, действующих к явной своей невыгоде; для продолжения водного пути пришлось сидеть на станции от 11 часов утра до 5 утра же, тогда как поезд проходил через полчаса. Оставалось спать и спать, потому что в сером пейзаже, состоявшем из затопленных деревень, было мало интересного и красивого.

- «Гуся, что ли, нарисовать на память о великом водном пути», предложил я, и мы смеялись, вспомнив, как один художник объяснял цель и смысл художественных поездок: «а то другой едет за тысячи верст и там коровой занимается или курицей самой обыкновенной, точно он дома не мог то же самое сделать с большим успехом и удобством», - говорил он.

Путь от Волховской станции до самого Новгорода ничем особенным не радует. Аракчеевские казармы, бесконечные пашни — всё это благоустроено, но ordinarily. Перед Новгородом несколько монастырей самого обыденного вида. Единственно красивое место за весь этот кусок пути - так называемые Горбы с остатками славного соснового бора, сильного и ровного, как щётка. Чем ближе подвигались мы к Новгороду (местный житель никогда не скажет Новгороду, а подчеркнёт Новугороду), тем сильнее и сильнее овладевало нами какое-то разочарование. Разочаровал нас вид Кремля, разочаровали встречные типы, разочаровало общее полное безучастие к историчности этого места. Что подумает иностранец, когда мы, свои люди, усумнились: да полно, господин ли это великий Новгород?!

Звонница Кремля Новгородского.

* * *

На мосту стояла старица,
На мосту чрез синий Волхов...

вспомнил мой спутник, когда мы входили на мост, направляясь в Кремль. Но вместо старицы на мосту стоял отвратительного вида босяк с кровавой шишкой под глазом. Навстречу попало несколько мужиков – истые «худые мужички вечники», за кого кричать, за что — всё равно, лишь бы поднесли.

Софийский собор в лесах; там идёт, как известно, капитальный ремонт. Уже давно было слышно, что, по какому-то странному стечению обстоятельств, важная, задача расписать этот славнейший и древнейший русский собор миновала руки художников и выпала на долю артели богомазов. На расстоянии как-то всё смягчается, многое важное ускользает от внимания в заглазных рассказах, пока не увидишь воочию. Я думаю, и вы, кому приведётся читать эти строки, не обратите на них никакого внимания; кругом всё тихо и смиренно, какое кому дело, что где-то в отжившем городе совершается нечто странное? А между тем, это «нечто странное» если вдуматься, оказывается чрезвычайно знаменательным. На рубеже XX века, при возрастающем общем интересе к отечественным древностям, при новых путях религиозной живописи, так счастливо указанные Виктором Михайловичем Васнецовым, один из лучших русских памятников старины расписывается иконописцами богомазами, и притом - как расписывается! Жутко делается, когда лазишь по внутренним лесам храма мимо этих богомазных изображений — глубоко бездарных, сухих, пригодных разве в захоластную церковь сверхштатного городишки, а никак неуместных при соседстве с памятником тысячелетия Руси. Ещё обиднее и гаже становится, когда осмотришь внизу превосходную древнюю фреску Константина и Елены и купольные изображения пророков и архангелов, наводящие на мысль: какой высоконациональный храм мог бы получить-

ся из Софии под мастерскою кистью, при таких основных базисах, каковы сохранившиеся остатки древних фресок; как стильно и художественно можно бы было заживить остальные стены! Какой богатый материал, какая возможность поддержать славный памятник и расцветом его, быть может, оживить целый город! – но вдруг все умышленно попирается, производится небольшая экономия... а что впереди? — там хоть потоп. Если не хватает средств, то отчего попросту не заштукатурить стены, оставив лишь остатки древней росписи? Или уже покрыть и старую живопись богомазными изделиями, не за-казывать г. Фролову удачные подражания древних мозаик, убрать сохранившиеся, чтобы и сравнения не было, как оно могло быть и как есть на самом деле, - по крайности не было бы полумер. Если изгонять художественность и национальность, то уж гнать их основательно, по всем пунктам, без пощады.

Мне кто-то хотел объяснить, как это печальное событие произошло, говоря, что много было всяких мелких обстоятельств; но, полагаю, для истории искусств такие побочные причины не будут важны, - ей будет знаменательно, выясняя развитие русского искусства в конце 19-го века, отметить крупный факт росписи первой русской святыни артелью богомазов, без участия пригоднейших к этому делу даровитых художников. Какое отрадное сведение, в особенности для всех причастных к современному искусству! — и перед собою-то стыдно, еще стыднее перед иностранцами, когда скажут, и на этот раз вполне заслуженно: уж эти варвары! Джон Рёскин, услышав о таком деле, наверно бы писал о нём в траурной рамке.

Новгородская косность простирается до такого предела, что из 10 встречных лишь один мог указать, как пройти к Спасу, что на Нередице, - к древности, которая должна бы быть известна каждому мальчишке, да была бы известна в европейском городе.

Невелик городской музей Новгородский, содержание его больше случайное, а местонахождение не совсем удачно, ибо для него пришлось погубить одну из Кремлевских башен; но это не беда, если бы музей хоть сколько-нибудь интересовал обитателей, а то посетители его почти исключительно приезжие, тогда как среди местных жителей находятся некоторые, вовсе и не подозревающие о существовании городского музея или знакомые с ним лишь понаслышке.

Интересен Знаменский собор, хотя особою древностью он не отличается. Сени и внешняя галерея его, видимо, первоначально были открытые, на арках с грушами, - теперь они заложены, и довольно неблагоприятно: напр., внутри сеней новая кладка расписана «под мрамор» малярами, тогда как остальное пространство сплошь покрыто живописью. Можно представить, насколько выиграет общий характер собора, если восстановить эти типичные арки, само же восстановление не должно обойтись слишком дорого.

Наиболее цельное впечатление из всех Новгородских древностей производит церковь Спаса на Нередице. Не буду касаться исторических и иных подробностей этой интересной церкви, сохранившей в первобытной цельности настенное письмо, — такие подробности можно найти в трудах Макария (опис. Новгород. церк. древн., 1, 798), Прохорова, Н. В. Покровского и в имеющем выйти в ближайшем будущем VI выпуске «Русских Древностей», изд. гр. И.И.Толстым и акад. Н. П. Кондаковым. Основанная в 1197 году князем Ярославом Владимировичем, Спасская церковь по древности, а главное, по со-

хранности, является памятником исключительным и, надо желать, чтобы как можно скорее она была издана полным и достойным для неё образом.

Церковь Спаса на Нередице – L'èglise du sur la Nereditza.

С Софийской стороны, из Воскресенской слободы (в которой тоже типичные и древние храмы: Фомы апостола и Иоанна Милостивого), мы перерезали Волхов, бесконечный в своём разливе, направляясь к Нередице. Дело шло к вечеру, солнце било желтым лучом в белые стены Спаса, одиноко торчащего на бугре, - пониже его лепится несколько избушек и торчат ивы, кругом же ровный горизонт. Такие одиночные, среди пустой равнины, церкви очень типичны для Новгородского пейзажа: то там, то тут, при каждом новом повороте, белеют они. Проехали мы Лядский бугор, где в былое время стоял монастырь, - само же название урочища, будто бы производится от божества Ладо.

На горизонте Ильменя выстроился ряд парусов - они стройно удалялись. Чудно и страшно было сознавать, что по этим же самым местам плавали ладьи варяжские, Садко богатого гостя вольные струги, проплывала Новгородская рать на роковую Шелонскую битву...

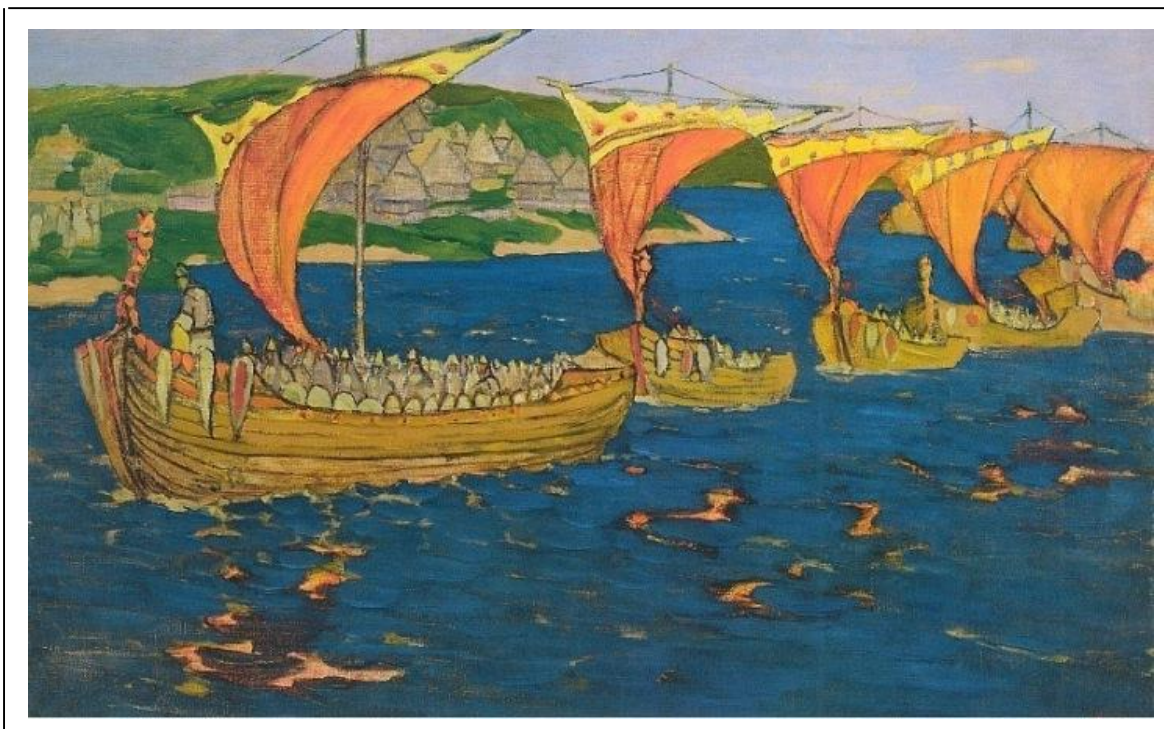
Ракурс Спаса с берега, пожалуй, еще красивей, нежели его дальний вид. Колокольня несколько позднейшей постройки, но зато сам корабль очень строен и характерен. Живопись, сплошь покрывающая стены и теряющаяся во мраке купола, полна гармонии, ласкает глаз на редкость приятным сочетанием тонов, облагороженных печатью времени.

Надо торопиться полно и достойно издать этот памятник — он уже требует серьезного ремонта, для которого, как говорят, не хватает средств. На первые нужды необходимо хоть 5000 рублей — неужели сейчас же не найдётся любителя старины, располагающего такой суммой? Есть много богатых людей, не жалеющих своих достатков на добрые дела; ремонт Спаса ведь тоже доброе дело, да ещё какое! *)

.....
*) Не говорю о многочисленных исторических урочищах Новгорода, потому что они любовно и подробно описаны В.С. Передольским в его книге «Новгородские Древности», вып. 1.

Возвращаясь к дому с Шелони, я дожидался поезда в Шимске. Среди многочисленных вокзальных объявлений бросался в глаза изящный плакат Дрезденской художественной выставки и невольно думалось: что Шимску искусство? да и будет ли когда оно для Шимска - не пустым далёким звуком?

Искусство и художественная промышленность. 1899. Июнь-июль. № 9-10. С. 719-730. Рисунки: «Крепость на Старой Ладогге» (из альбома Н.К. Рериха). «Крыльцо древней деревянной церкви в Старой Ладогге» (из альбома Н.К. Рериха). Фотографии: Звонница Кремля Новгородского. Церковь Спаса на Нередице. Вставка: ч/б репродукции с картин: «Гонец» и «Сходятся старцы»

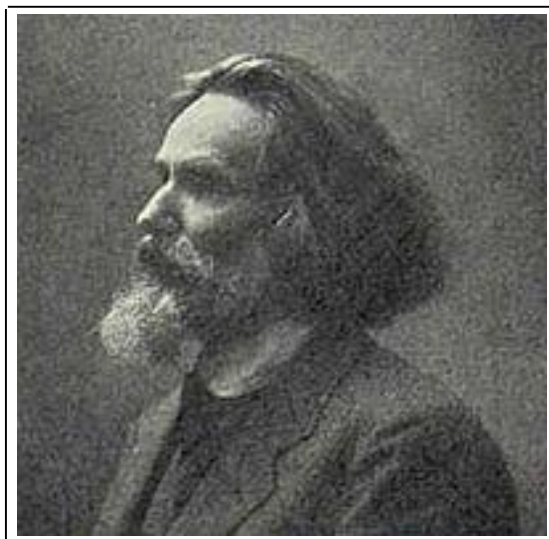

Н.К. Рерих. Иноземные гости. 1900.

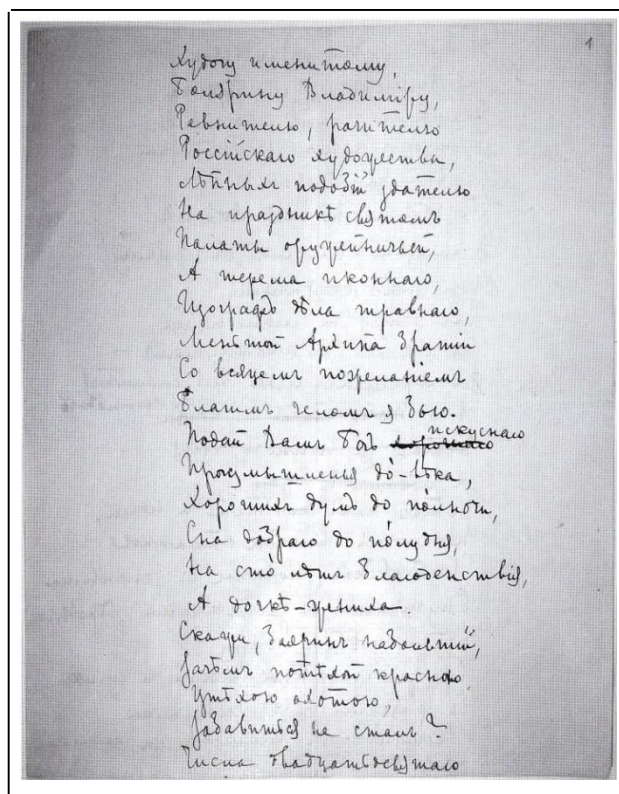
«На горизонте Ильменя выстроился ряд парусов - они стройно удалялись. Чудно и страшно было сознавать, что по этим же самым местам плавали ладьи варяжские, Садко богатого гостя вольные струги, проплывала новгородская рать на роковую Шелонскую битву...»

14 Июля 1899 г. СПб

Послание (Грамота) Н.К. Рериха - Беклемишеву В.А.

Владимир Александрович Беклемишев.

Фрагмент рукописи Н.К. Рериха
(ОПИ ГИМ ф. 139. ОП. 2. Ед. хр. 4, лл. 1-3 об.)

Худогу именитому
Болярину Владимиру,
Ревнителю, рачителю
Российскаго художества,
Лепных подобий здателю
На празднике святом
Палаты оружейничьей,
А терема иконнаго,
Изограф дела травнаго,
Меньшой Архипа братии
Со всяцем пожеланием
Благим челом я бью.
Подай Вам Бог искуснаго
Проумышленья дó-века,
Хороших дум до пóлночи,
Сна добраго до пóлудня,
На стó лет благоденствия,
А дочке – жениха.
Скажи, болярин набольший,
Зачем потехой красною,
Утехою охотою,
Забавиться не стал?
Числа двадцать девятаго
Въ Июня (летом) месяца
Вся Русь святая матушка
Великих чтит апостолов
Петра и Павла (с Гатцука
Сравни календарем).
Гореть в огне мне адовом!
Я мерзкий! Ох, мне скверному!
Увы, мне окаянному!
Их чту я не молебнами,
Не свечкой, не акафистом –
Во храмах люд весь молится,
А я, глухою полночью
Встаю, как тать в нощи,
Не моюсь, платье странное,
Шутовское, поганое с зелеными
Опушками, с застежками зверовыми,
Спешу одеть. Беру
Оружье смертное, ножи и сумки
С флягами, с прехитрыми
Свистульками, приманками,
С узорной сеткой серою.
Одевшись таким идолем,
Заморской шляпой с перьями
Покрывшись, выхожу; спускаюся
По лестнице (скрипят ступени
Старья, построенныя в барщину

Из дуба); живо егеря
 И лесников бужу.
 Собаки воют, бесятся...
 Гремит замок, дверь щелкнула,
 Бренчит погон ружья.
 На двор выходим – серо все;
 Любовно ручкой ласковой
 Погладил щеку утренник;
 Восток желтеет, за лесом
 Чуть брежится рассвет.
 К реке идем по заводям...
 Лишь только дымкой светлую
 К воде туман потянется –
 Земля от сна проснулася
 И полог свой отбросила –
 Уж в челноках сидим.
 Люблю туман я утренний,
 Когда столбом над речкою
 Подымет, раскинется
 Пуховиком по озеру
 И тянется к чащѣ.
 Ползет он к бору сонному,
 Внезапно остановится,
 Как бык на пень уставится
 И тупо смотрит вдаль.
 А вокруг клоками чудными
 И нитями прозрачными,
 Гляди, уже запуталась
 Прибрежная трава.
 Ползет все, извивается,
 Грозится страшным обликом,
 Косматой бородищею
 Водяника, русалкою,
 Зверями, Чудо-змеями
 Представился туман.
 Вдруг все заколебалося, смешалось,
 Прочь отпрянуло и понеслось по озеру
 огромным клубом облачным
 И южной, теплой дымкою
 Растаяло в свету.
 Прозрачен воздух утренний,
 Далеко выстрел катится,
 На тысячи ладов
 Он эхом повторяется,
 Чтоб знали все:
 Тут делают
 недобрыя дела.
 Извар (моркловка пестрая)
 Попал удачно в выводок:

Утятя – кряквы куцья
В хвоще заполоскались
И с шумом поднялись.
Я бью правофлангового,
А слева брат мой с егерем
Свалили пару... Дружная
Открылася пальба.
Чирки из трав поднялись –
Шесть выстрелов захлопали –
Четыре утки шлепнулись,
А пятая ушла.
Гремит в соседнем озере
Стрельба не хуже нашего,
Шныряют одурелыя
Чирята, кряквы глупыя
Свистят высоко крыльями –
Жестокая, свирепая –
Веселая пора!
Зачем у нас Вы не были,
Владимир Александрович?
Я ждал Вас крепко, думалось
Не заняты ли Вы?
Здоровы ли? А если
По спесивости, по лиху
Не приехали – не дай Вам
Бог хорошаго.
Всем присным Вашим кланяюсь
Низенько, со племянником
Их поздравляю я.
Молю с главой склоненною,
С душою умиленною
От Бога Вам утех.
Ваш богомолец преданный,
В приятельстве изведанный
Изограф Николай
(в мире Рерих).

СПб. 14 Июля 99.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/41, лл. 17,17 об, 18, 18, об.)

См. также: ОПИ ГИМ, ф. 439. ОП. 2. Ед. хр. 4 Л. 1-3 об.

Государственный исторический музей России. Отдел письменных источников.

16 Июля 1899 г. Парголово
Письмо В.В. Стасова к Н.К. Рериху

Парголово, деревня Старожиловка
Пятн. 16 Июля 99. Утро

Пишу Вам, Никола Тростник, и в превеликой досаде, но зараз и в превеликом восхищении!

Не знаю, кто у Вас там больной, и как, и где, и чем, и на много ли бедствует, и сколько именно к нему надо было Вам торопиться и лететь во все лопатки, может быть от α до ω архиправы, но мне было предосадно и преобидно, что Вы так вчера к нам и не попали!! Ведь кто знает, может быть моих именин, моего 15-го Июля, так никогда больше вовсе и не будет – и вот Вы взяли да пропустили! Предосадно, преобидно.

И я, как только, вчера за завтраком, увидел в окно почтальона, а потом стал вертеть в руках Ваш конверт, так сейчас и сказал: «Ну, значит и не будет! Ах, какой негодяй!».

Но когда потом расковырял шпилькой этот самый конверт, и достал из него серую ветхую полоску бумаги, от которой разило кофеем – так Вы сильно её намазали для сходства с XVIII веком, как я взглянул на лихую виньетку, как я взглянул на почерк, как я взглянул на слог и склад и лад, у меня пробежали мурашки удовольствия, и меня защекотало всего, от макушки до пяток. «Ну, сказал я про себя, а потом громко для всех, ну, молодец Никдла Тростник! Посмотрите, господа, глядите скорее сюда все!»...

И все господа, стар и млад, барышни и барыньки, кавалеры и кавалерики, разом улыбались и похваливали во всю Ивановскую. Ах, как мне нравился и сам болярин, сидящий в <горлатой> шапке и с воздетыми горé руками, словно в “Вознесении” каком-то, и его жёлтая рубашка, и голубые штаны, и наклоняющиеся к нему словно в образах византийцы с дарами и шапками в руках, и поспешающие в кибитках, за город к болярину люди, едущие на кнутах и с дугами, идущими коням по колено, - наконец всё, всё, даже самые дыры и щели на бумаге, словом - всё было чудесно, чудесно, и все гости, сколько ни перебивало вчерась у нас тут в Старожиловке, приехавших на кнутах и без кнутов, все восхищались, Ропет в первую голову, Репин во вторую, Матэ – в третью, наконец, тоже и Попка – Попинька – в четвёртую, а, наконец, сам Блюменфельд, музыкант заливчатский и чудесный, (которого Вы видели, и думаю, по *Пятницам* у акварелистов) – и тот здорово восхищался и я – тоже, тоже, тоже!!!!

Только одна у Вас проявилась великая ошибка. Как же это Вы, назвав меня везде «Володимером» (экое чудесное имя!), вдруг на 3-й же строке написали «Владімир Васильевич?! Худо, худо, худо! За это Вам = нуль!

Ваш В.С.

А нельзя ли Вам приехать сюда к нам – во *Вторник*, 20 Июля? Во-первых = Ильин день, во-вторых = день рождения моего брата Александра.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1323, 2 л.